

Глава 60

Подойдя ближе, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань обнаружили, что рядом с большой бочкой стоит ещё одна, поменьше, в которую были свалены остатки еды.

Раньше маленькой бочки не было. Остатки еды с гостевых тарелок и воду после мытья котлов на кухне сливали в одну большую ёмкость.

Иногда, если гости почти не притрагивались к блюду, его оставляли для слуг, чтобы те забрали домой. А вот остатки вроде куриных гузок, шеек или обглоданных ножек выбрасывали.

Бай Цзыму велел поставить на кухне отдельную бочку, чтобы остатки еды и помои не смешивались. Так нищим, которые приходили за едой, не приходилось копаться в грязной воде, и это выглядело приличнее.

Раньше Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань видели, как разносчики уносят с гостевых столов тарелки с аппетитными, жирными остатками, но трогать их не смели. А когда старушка Дин, которая мыла посуду, выливала всё это в бочку, им становилось жаль еды.

Подойдя ближе, братья увидели, что за маленькой бочкой прячется ребёнок.

Волосы у него были растрёпаны, словно их не мыли лет восемьсот, и торчали в разные стороны, как после взрыва, напоминая птичье гнездо. Он был очень худым и маленьким, а его одежда была настолько грязной, что на рукавах блестела от жира. Личико у него было с ладошку, тоже чёрное от грязи, но большие тёмные глаза с длинными ресницами делали его очень милым.

Он, казалось, очень боялся людей. Увидев Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня, он тут же спрятался за бочку, сжавшись в комочек и не смея на них смотреть.

Видимо, он пришёл сюда за остатками еды. В его маленькой, жирной ручке была зажата куриная ножка, которую, вероятно, какой-то гость, посчитав слишком жирной, не доел.

Цзян Сяоэр моргнул и удивлённо воскликнул:

— Это мальчик! Мальчик, что ты здесь прячешься?

Ребёнок поднял на него глаза, но тут же снова опустил их и отодвинулся в сторону, словно испугавшись.

— Мальчик, почему ты молчишь? — Цзян Сяоэр тоже присел на корточки. — Что ты здесь делаешь?

Ребёнок, опустив глаза, молчал, лишь его маленькая ручка шевельнулась.

Цзян Сяосань, придерживая штаны, долго смотрел на него, и тут его осенило:

— Второй брат, не спрашивай. Этот мальчик немой, как Сяосань, бедняжка. Мальчик, хочешь с нами поиграть?

Глаза ребёнка вдруг заблестели, он, казалось, очень захотел, но, подумав о чём-то, снова засомневался.

Цзян Сяосань просто взял его за руку.

— Пойдём, машинка очень весёлая!

— Я... я не умею играть, — вдруг проговорил ребёнок тихим, нежным голоском.

Он боялся, даже очень, но...

Он посмотрел на машинку вдалеке.

Эта штука выглядела такой интересной, он... он тоже хотел с ними поиграть.

— Ой, ты умеешь говорить? — Цзян Сяоэр взял его за другую руку. — Не умеешь играть — не страшно, мы тебя научим!

Цзян Сяоэр, проявив дружелюбие, сунул ему в руки пульт.

Словно пульт обжигал ему руки, малыш растерялся и напрягся. Цзян Сяоэр, не заметив этого, сказал:

— Мальчик, нажимай сюда.

Малыш послушно нажал, но нечаянно врезался в стену. Он тут же испугался, его личико побелело, он в страхе обхватил голову руками и присел, боясь, что Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань его побьют. Он крепко зажмурился, и его маленькое тельце задрожало.

— Мальчик, ты что делаешь? — Цзян Сяосань похлопал его по голове. — Хочешь ещё раз?

Малыш, с покрасневшими глазами, прошептал:

— Не... не бейте меня, мне больно.

— Зачем Сяосаню тебя бить? Бить нехорошо, гэфу говорил, что дети должны дружить и любить друг друга. Мальчик, вставай.

— Вы... вы правда не будете меня бить?

— Угу!

Малыш снова взял пульт и сыграл ещё пару раз. Он ещё не привык к машинке и немного боялся, поэтому, играя, постоянно искоса поглядывал на Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня. Управлял он не очень хорошо, и машинка снова с грохотом врезалась в стену. Он тут же посмотрел на братьев.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань не смотрели на него. Цзян Сяосань подбежал к машинке, проверил переднюю часть и, убедившись, что всё в порядке, поставил её ровно и крикнул:

— Мальчик, можно!

После нескольких раз, когда его не побили, малыш осмелел и крепко сжал пульт.

— Мальчик, налево!

— Направо!

— Ай-яй-яй, скорее направо!

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, стоя рядом, давали бестолковые советы. Малыш судорожно нажимал на кнопки.

Машинка со свистом понеслась на Цзян Сяосаня. Тот с криком попытался отбежать, но, споткнувшись, снова потерял штаны.

Малыш громко рассмеялся:

— Весело!

Старушка Дин была уже в преклонном возрасте, ей было под семьдесят, как говорится, одной ногой в могиле. Бай Цзыму боялся, что она, занявшись делами, забудет про его двух шуринов. Если они пропадут, Цзян Сяои его точно прикончит.

Бай Цзыму выглянул на задний двор.

Двое его шуринов играли с каким-то ребёнком. Тот стоял к нему спиной, так что он не разглядел его, но видел, что он очень маленький, а когда приседал, становился похож на маленький шарик.

Видя, что они не убежали далеко и весело прыгают, Бай Цзыму оставил их в покое.

Так он проработал до самого вечера.

Рис был слишком дорогим, и, чтобы сэкономить для семьи, Бай Цзыму обычно ел досыта в таверне перед уходом домой. Двое малышей делали то же самое.

Приближалось время окончания работы. Он вышел на задний двор и крикнул, чтобы позвать Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня ужинать, но никто не ответил. Он выглянул и увидел, что Цзян Сяосань и тот малыш сидят в машинке и едут прямо на него.

Видя, что они вот-вот в него врежутся, Бай Цзыму отскочил в сторону и закричал:

— Сяоэр, тормози!

Но у Цзян Сяоэра с техникой было не лучше, чем у Цзян Сяосаня. Бай Цзыму увернулся влево, а машинка тоже повернула влево, словно хотела его задавить.

— Гэфу, — закричал Цзян Сяоэр, — не останавливается! Что делать?

Неужели пульт сломался?

Не может быть!

Дорогая вещь, за несколько тысяч!

Бай Цзыму, уворачиваясь, бежал и вопил. Цзян Сяосань и малыш хохотали, им было очень весело.

Переулок был достаточно широким, чтобы увернуться. Бай Цзыму просто играл с ними. В конце концов, он подбежал к Цзян Сяоэру, выхватил у него пульт и «направил» машинку на него.

Цзян Сяоэр, конечно, не мог от неё убежать. Проехав немного, Бай Цзыму развернул машинку и сделал несколько крутых виражей. Двое малышей в машинке пришли в восторг.

Как весело!

Когда машинка остановилась, Цзян Сяосань всё ещё кричал:

— Гэфу, как весело! Сяосань хочет ещё!

— Ещё тебе в задницу, — шлёпнул его Бай Цзыму. — Пошли есть.

— Хорошо. Мальчик, мы пошли домой, завтра придём поиграть с тобой!

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань взяли Бай Цзыму за руки. Бай Цзыму заметил, что малыш не уходит, а с тоской и завистью смотрит на них. По его виду он был похож на уличного попрошайку.

Малыш, увидев, что Бай Цзыму смотрит на него, тут же отбежал и спрятался за большой бочкой, лишь высунув голову, чтобы украдкой наблюдать за ними.

Бай Цзыму вошёл и спросил у старушки, которая мыла овощи на кухне:

— На заднем дворе есть маленький мальчик, чей он?

Этот ребёнок целый день играл с его шуринами, нужно было узнать о нём побольше.

Откуда он, какой у него характер — всё это нужно было выяснить.

— А? Какой мальчик? — Старушка Дин знала всех, кто жил в переулке. — Мальчик? Управляющий, вы о сыне семьи Чжэн?

Старушка Дин рассмеялась:

— Тому ребёнку уже восемь лет. Семья Чжэн хорошо кормит детей, он хоть и восьмилетний, но уже мне по плечо. Нельзя сказать, что он маленький.

— Не тот, что из семьи Чжэн, — Бай Цзыму показал рукой. — Вот такого роста. Не знаю, чей он.

Старушка вздохнула:

— А, вы, наверное, о том немом!

— Немом? — удивился Бай Цзыму. Не может быть! Тот малыш только что смеялся так громко, как утка, даже громче его двух шуринов.

— Не знаю, он ли это, — сказала старушка. — Этот мальчик появился несколько дней назад. Не знаю, откуда он. Часто собирает остатки еды из нашей таверны. Я видела его несколько раз, когда выносила помои.

Брови Бай Цзыму слегка нахмурились.

— Не из этого переулка?

— Нет, — уверенно сказала старушка.

Она жила в этом городе, недалеко от таверны «Фулай», и работала здесь уже больше десяти лет. В свободное время она любила поболтать с соседями.

Можно без преувеличения сказать, что она знала, где в переулке мышиная нора и у кого в доме сколько вшей.

Цзян Сяоэр, услышав это и вспомнив, как тот мальчик держал в руках косточку от куриной ножки, потянул Бай Цзыму за рукав.

— Гэфу, мальчик такой несчастный.

Поиграв с ним целый день, Цзян Сяосань проникся к нему симпатией. К тому же, у мальчика были большие глаза и маленькое личико, очень милый.

— Гэфу, давай позовём мальчика с нами поесть, хорошо?

Два его шурина были добрыми и совестливыми, и это было хорошо.

Нельзя было им отказывать.

К тому же, это всего лишь одна миска риса. Что тут такого? Не из его же кармана.

Бай Цзыму махнул рукой.

— Хорошо.

Цзян Сяосань побежал звать его.

Малыш боялся незнакомых людей. Цзян Сяосань привёл его за руку, и он всю дорогу шёл, опустив голову, прижимаясь к Цзян Сяосаню и держась за его одежду. Подойдя к Бай Цзыму, он даже спрятался за спину Цзян Сяосаня, не смея выглянуть.

Бай Цзыму, увидев это, рассмеялся:

— Эй, парень, чего это ты, увидев красавчика, так застеснялся? Пойдём, поедим.

На кухне мастер Шао, увидев, что Бай Цзыму ведёт троих детей, каждому из которых он вручил по большой тарелке, помрачнел.

Этот парень Бай совсем обнаглел. Мало того, что привёл двух своих шуринов нахлебниками, так сегодня ещё кого-то притащил. Он что, решил, что это его дом?

Не боится, что начальство узнает и вышвырнет его?

Бай Цзыму никогда не обделял своих. Он наложил четыре полные тарелки риса, велел мастеру Шао приготовить два овощных и три мясных блюда, а напоследок добавил:

— Старина Шао, зажарь-ка курочку, я её с собой заберу.

Мастер Шао: «...»

— Ладно!

— Старина Шао, мы же с тобой друзья, выбери мне курочку побольше, пожирнее.

Мастер Шао, сжимая в руке половник, хотел было его стукнуть.

— Я и так знаю, уходи уже.

Бай Цзыму вывел троих малышей из кухни. Старушка Дин уже поставила для них стулья во дворе.

Личико малыша было очень грязным, как у поросёнка из свинарника. Бай Цзыму велел ему помыть лицо, но тот не двигался и даже спрыгнул со стула, чтобы спрятаться за Цзян Сяоэра.

— Малыш, нужно соблюдать гигиену. Если не мыть руки перед едой, знаешь, что будет?

Он понизил голос до таинственного шёпота. Малыш выглянул из-за спины Цзян Сяоэра.

Он выглядел очень любопытным.

Но молчал, лишь смотрел на Бай Цзыму.

Бай Цзыму терпеливо продолжал, понизив голос ещё больше:

— Если не мыть руки перед едой, в животе заведутся черви. У этих червей зубы вот такие длинные, вот такие большие. В животе темно, есть нечего, и они от голода начинают грызть твои кишки.

Малыш, услышав это, тут же обхватил свой живот.

Бай Цзыму, сдерживая смех, продолжал:

— Они грызут тебя, и у тебя начинает болеть живот. Кишки прогрызаются, и человек умирает. А когда ты умрёшь, черви вылезут из твоего носа, ушей, глаз. Ой, какой ужас, просто ужас.

Маленькие ножки малыша задрожали, он чуть не заплакал от страха.

Как такое может быть?

Какой ужас!

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань тоже нахмурились.

— Мальчик, это правда, — сказал Цзян Сяосань, вытирая пот и с содроганием вспоминая. — Раньше Сяосань тоже выкакал червячка.

— Точно, — Цзян Сяоэр показал руками, примерно десять сантиметров длиной и с палец толщиной. — Он вылез из попы моего младшего брата и ещё шевелился, очень страшно.

Бай Цзыму, вспомнив это, чуть не потерял аппетит.

Несколько дней назад, во время обеда, Цзян Сяосань, съев две большие миски риса, вдруг пожаловался на боль в животе. Цзян Сяои велел ему скорее бежать в туалет. Цзян Сяосань долго тужился, а потом вдруг заплакал и закричал, зовя Цзян Сяои.

— Старший брат, старший брат, скорее сюда!

Цзян Сяои, подумав, что тот упал в яму, бросил миску и помчался на задний двор.

— Что случилось?

— Сяосань выкакал кишку! У-у-у, старший брат, скорее, Сяосань умирает! — рыдал Цзян Сяосань, убитый горем.

Цзян Сяои забежал в туалет и тут же выбежал, в панике зовя Бай Цзыму и отца Цзяна.

Когда Бай Цзыму и отец Цзян прибежали на задний двор, Цзян Сяосаня уже вынес Цзян Сяои. Он сидел на корточках у свинарника и горько плакал, вытирая слёзы. Из его попы торчала «кишка».

Что случилось? Неужели так сильно тужился? Похоже, его шурин умирает.

У Бай Цзыму на глаза навернулись слёзы.

Его шурин такой маленький, и вот так вот... выкакал кишку, как же он будет жить?

Обратно её, наверное, уже не засунешь.

Отец Цзян тоже побледнел и, чувствуя, как у него кружится голова, закричал:

— Что же это такое!

Он в панике хотел бежать к старосте, чтобы одолжить волов и отвезти Цзян Сяосаня в город к доктору. Соседка Цянь, услышав, как он бежит и спотыкается, а во дворе плачут Цзян Сяои и Цзян Сяоэр, подумала, что что-то случилось, и выбежала посмотреть.

— Сяои, парень Бай, что случилось?

В последнее время, помня о доброте Бай Цзыму, она стала гораздо любезнее к Цзян Сяои. В прошлый раз она принесла курицу, но Цзян Сяои не взял. Тогда она принесла корзину яиц и полмешка сладкого картофеля.

Видя, что она не уйдёт, пока он не возьмёт, Цзян Сяои пришлось принять подарки.

Днём, когда Бай Цзыму уходил на работу, она часто приходила к Цзян Сяои поболтать.

Сейчас, услышав плач из соседнего двора, она очень забеспокоилась.

— Сяосань выкакал кишку, — сквозь слёзы ответил Цзян Сяои.

— ...Что? — Госпожа Цянь, ухватившись за плетень, привстала на цыпочки и увидела, что из попы Цзян Сяосаня торчит кусок кишки. Тот плачет, а Бай Цзыму кормит его чем-то. Госпожа Цянь тоже остолбенела и побежала в дом звать дядю Цяня.

Дядя Цянь вышел, посмотрел, а потом потрогал «кишку» палочками.

И тут все замерли.

Эта кишка зашевелилась.

Бай Цзыму подошёл поближе, чтобы рассмотреть. Кишка, словно почувствовав его приближение, замерла. Как только он отошёл, она снова слабо задрожала.

Бай Цзыму тут же понял, что его шурин — просто невероятный парень.

А дядя Цянь рассмеялся. Он был старше и повидал на своём веку всякое.

— Испугали меня! Сяои, зови отца обратно, не нужно никуда ехать.

— А? Моему брату не нужно к доктору? — спросил Цзян Сяои.

— Не нужно, — сказал дядя Цянь. — Это червь. Когда он вылезет, всё будет хорошо. Я слышал от своего отца, что у моего старшего брата в детстве тоже такой вылезал, длинный и большой, как свиная кишка. Он тоже испугался.

Если бы это действительно была кишка, разве Цзян Сяосань смог бы есть?

Бай Цзыму, услышав это, тут же понял — это же аскарида!

И аскариды бывают такими? Такими длинными? Он думал, они как гусеницы.

Просто ужас какой-то.

Семья Цянь ушла. Цзян Сяосань, со спущенными до лодыжек штанами и голой попкой, сидел на корточках ещё долго, пока у него не затекли ноги и не кончились силы, а червь всё не вылезал.

Он со слезами на глазах, выставив попку, упёрся руками в землю, чтобы немного разгрузить ноги. Бай Цзыму, глядя на него, почувствовал жалость и толкнул Цзян Сяои, чтобы тот помог вытащить.

Цзян Сяои любил своего младшего брата ещё больше, но этот червь был таким большим, он боялся! Он толкнул Бай Цзыму в ответ:

— Боюсь, ты давай.

— Ты боишься, а я нет? Ты давай, ты, скорее.

— Нет, ты.

— Ты.

— Ты.

Они долго препирались. Цзян Сяосань, умоляя, кричал, что больше не может сидеть.

— Старший брат, гэфу, спасите! Скорее спасите!

В конце концов, Цзян Сяои дважды поцеловал Бай Цзыму, и тот, окрылённый любовью, почувствовал, что никакой червь ему не страшен.

Не говоря ни слова, он взял палочки и пошёл на дело.

Когда он схватил аскариду, та начала яростно извиваться, что было очень мерзко.

Потом он бросил червя на землю, тот дёрнулся и затих.

Обычно у детей бывают аскариды, если они контактируют с предметами, на которых есть яйца глистов. В деревне для удобрения овощей часто используют навоз или куриный помёт.

Бай Цзыму подумал, что, возможно, Цзян Сяосань, работая в огороде, не помыл руки перед едой и съел яйца глистов.

Цзян Сяои был очень чистоплотным. В деревне, когда собирали овощи, их мыли кое-как, а Цзян Сяои всегда тщательно промывал каждый листик, да ещё и варил всё до мягкости, так что вода кипела и бурлила. При такой обработке не то что аскариды, любой бы сдох.

Потом он строго-настрого велел обоим мальчикам мыть руки до и после еды.

Этот случай до сих пор вызывал у Бай Цзыму мурашки.

Малыш не очень поверил. У него тоже иногда болел живот, но он же не умер!

— Правда... правда есть такой червячок? — не выдержав, он тихонько спросил.

— Есть, — серьёзно ответил Цзян Сяоэр с испуганным выражением на лице. — Мой младший брат его выкакал, я сам видел, очень страшно. Мальчик, иди скорее помой руки.

Малыш тут же кивнул. Бай Цзыму добавил:

— И лицо тоже помой! Маленький мужчина, а такой грязный, на что это похоже? Мужчина должен быть чистым. Не будешь чистым и гигиену соблюдать — останешься холостяком.

— Точно, — подтвердил Цзян Сяосань.

Таз с водой стоял рядом. Малыш помыл руки, тщательно вытер лицо и тут же побежал обратно, сел на стул и, не моргая, уставился на еду.

Теперь он был чистым, и его милое личико выглядело ещё прелестнее. Его щёчки были белыми и нежными, как яйцо. Бай Цзыму не удержался и ткнул его пальцем. Малыш вздрогнул и снова хотел спрятаться за Цзян Сяоэра.

Бай Цзыму одной рукой удержал его. Почувствовав, как его маленькое тельце дрожит, а дыхание стало тяжёлым, он рассмеялся:

— Ладно, ешь скорее! Такой стеснительный, как же ты потом жену себе найдёшь? Мужчина должен быть наглым, бесстыдным.

— Точно, — в один голос сказали Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань.

Мастер Шао приготовил тарелку утки и целую рыбу-сунхуа на пару, лишь с несколькими ломтиками имбиря и небольшим количеством соевого соуса. Рыбный запах был немного сильным.

Несколько малышей ели с большим аппетитом, особенно тот новенький. Он, казалось, был очень голоден, ел так быстро, что чуть ли не зарывался головой в миску.

Когда вошёл разносчик А Гуа, он увидел, как Бай Цзыму выбирает кости из рыбы для троих малышей. Увидев новенького, сидящего вместе с ними, он на мгновение замер.

— Управляющий Бай.

Бай Цзыму лишь поднял на него глаза.

— Что такое?

А Гуа почтительно сказал:

— Вас зовёт господин Цзи.

— О. — Видимо, пришёл важный гость, и ему нужно было показаться, чтобы поддержать авторитет. Бай Цзыму встал. — Тогда я пойду. А вы ешьте медленнее, не торопитесь. В этой рыбе много костей! Если подавитесь, я вас не спасу.

— Поняли, гэфу.

Как только Бай Цзыму ушёл, Цзян Сяосань, оглянувшись на мастера Шао, тихонько сказал:

— Эта рыбка не очень вкусная.

Малыш, уже не боявшийся Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня, ответил:

— А мне кажется, вкусная.

— Мой гэфу готовит рыбу с квашеной капустой ещё вкуснее! Кислая, острая, самая вкусная! — сказал Цзян Сяосань, облизываясь. Посмотрев на белую рыбу-сунхуа, он тут же потерял к ней аппетит.

— Кислая и острая? — малыш почесал затылок. — Это правда вкусно?

— Вкусно! — сказал Цзян Сяоэр. — Ты что, никогда не ел?

Малыш покачал головой.

— А твоя семья тебе не готовит? Где твой папа и мама? — спросил Цзян Сяоэр.

Глаза малыша тут же покраснели.

— Папа пропал. Я хотел его найти и заблудился.

— А? — тут же спросил Цзян Сяоэр. — Ты не знаешь, где твой дом?

— Угу! — кивнул малыш.

Цзян Сяосань почесал голову.

— А где ты раньше жил?

Малыш указал назад. Цзян Сяоэр, проследив за его пальцем, увидел лишь стену и недоумённо спросил:

— Где?

Малыш спрыгнул со стула.

— Пойдёмте со мной.

Пойдя за ним, они увидели, что он указывает на конюшню.

— А как же ты ешь? — спросил Цзян Сяоэр.

— В бочке есть, я там ищу.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань тут же всё поняли.

Мальчик был маленьким попрошайкой. Какой же он несчастный.

<http://bllate.org/book/13701/1594554>